

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО МОРСКОМУ ПРАВУ: ОСОБЕННОСТИ, ЭВОЛЮЦИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА *

В статье рассматриваются особенности механизма разрешения споров, закрепленного в Конвенции по морскому праву 1982 г., дается анализ организации и процедуры разрешения споров Международного трибунала по морскому праву. Автор раскрывает эволюцию судебной практики данного органа, дает описание наиболее важных дел. Формулируются прогнозы относительно будущего Трибунала.

Ключевые слова: международные суды, международные судебные решения, международный процесс, судопроизводство, пролиферация международных судов, морское право.

Механизм урегулирования споров, закрепленный в Конвенции по морскому праву 1982 г., представляет собой достаточно сложную систему, инновационную для своего времени. Основная причина столь тщательной проработки – ожидание скорой технологической доступности ресурсов морского дна и вытекающих из этой доступности споров, связанных с их распределением. Этим надеждам не суждено было сбыться: в результате соответствующий механизм в значительной своей части бездействует, представляя собой скорее символ прогресса, чем сам прогресс.

В данном случае развитие права чрезмерно опережает развитие общественных отношений, на договорном и институциональном уровнях создается «задел», со временем могущий оказаться ненужным. Этот феномен не уникален для международного морского права, его проявления можно найти и в других отраслях международного права¹. Среди

юрисдикционных органов с МТМП может быть сравним МУС, символизм которого также находится в резкой диспропорции с его практической значимостью². Данный феномен в целом носит отрицательный характер, способствуя умножению недействующих норм и нерациональному расходованию средств (бюджет МТМП на 2011–2012 гг. составил 20 398 600 евро)³.

Будислав Вукас пишет по этому поводу: «Развитие морского права в последние тридцать пять лет представляет собой еще одно доказательство хаотического развития международного права и международных институтов. Пересмотр этой части международного права начался из-за впечатления, созданного развитыми странами, что разработка минеральных ресурсов океанского дна является неизбежной. В связи с этим убеждением, половина текста Конвенции по морскому праву имеет отношение к несуществующей в настоящее время деятельности. Закрепле-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 118 11-03-00535а «Система международного правосудия и правопорядок Российской Федерации»), Новосибирский государственный университет).

¹ Например, можно упомянуть Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии (Дополнительный протокол к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Вена, 13 октября 1995 г.), который вводит запрет на пока не существующее оружие.

² Здесь и далее используются следующие сокращения: МС ООН – Международный суд ООН; МТМП – Международный трибунал по морскому праву; КСМД – Камера по спорам, касающимся морского дна; МУС – Международный уголовный суд; КМП – Комиссия международного права.

³ URL: <http://www.itlos.org> (дата обращения: 10.10.2011).

ние системы разрешения споров также было частично связано с предполагаемой необходимостью разрешения споров, касающихся разведки и разработки Района. Структура и система разрешения споров в соответствии с Конвенции, равно как и наделение компетенцией МС ООН и трибуналов, были также приспособлены к новому видению того, что рассматривалось как «наиболее важная» деятельность в море». Далее автор отмечает, что современная реальность является иной и суды сегодня занимаются традиционными спорами в области морского права. Однако, по всей видимости, споров, связанных с сохранением живых ресурсов моря и защитой окружающей среды, будет все больше. Существующая система разрешения споров сможет справиться с развитием ситуации в обозримом будущем [1. Р. 300].

Конвенционные процедуры применяются, если стороны не договорились использовать иные мирные средства либо если эти средства не привели к урегулированию. В соответствии со ст. 287 государство может выбрать посредством письменного заявления одно или более из следующих средств урегулирования споров: МТМП, МС ООН, арбитраж, специальный арбитраж⁴. По состоянию на июль 2010 г. МТМП выбрали 27 государств, МС ООН – 24, арбитраж – 9, специальный арбитраж – 9 (иногда государство выбирает несколько средств, устанавливая порядок предпочтения)⁵. Соответствующее заявление и вытекающая из него компетенция не затрагивают обязательную компетенцию КСМД и МТМП, предусмотренную в разд. 5, ч. XI. Если стороны в споре приняли одну и ту же процедуру для урегулирования спора, он может быть передан на урегулирование только в порядке такой процедуры, если стороны не договорятся об ином. Если стороны в споре не приняли одну и ту же процедуру для урегулирования спора, он может быть передан только на арбитраж, если стороны не договорятся об ином. Суд или арбитраж, указан-

⁴ Специальный арбитраж создается для разрешения споров, возникающих в одной из следующих областей: рыболовство; защита и сохранение морской среды; морские научные исследования; судоходство, включая загрязнение с судов и в результате захоронения. В отношении каждой области составляются и ведутся отдельные списки экспертов.

⁵ URL: http://www.un.org/Depts/los/settlement_of_disputes/choice_procedure.htm (дата обращения: 10.10.2011).

ные в ст. 287, обладают компетенцией в отношении споров, касающихся толкования или применения Конвенции либо соглашения, связанного с Конвенцией (если соответствующая компетенция предусмотрена данным соглашением). Статьи 297–298 закрепляют ограничения и исключения в применении процедур, указанных в Конвенции. Их суть состоит в праве государств исключить распространение соответствующих процедур на определенные категории споров.

Процедуры урегулирования открыты не только для государств, но и для других субъектов, если это специально предусмотрено (ст. 291). Суд или арбитраж применяет Конвенцию и другие нормы международного права, не являющиеся несовместимыми с ней; если стороны согласны, дело может быть решено *ex aequo et bono* (ст. 293). Д. Андерсон пишет по этому поводу: «Статья 293 означает на практике, что Трибунал должен будет рассматривать не только морское право, включая в некоторых случаях обычное право, но также широкий круг других правовых вопросов. Они включают: право договоров (например, толкование или применение Конвенции как договора, на который распространяется Венская конвенция о праве международных договоров; или действие национальных заявлений); эффекты предшествующих судебных решений...; и право ответственности государств... С необходимостью Трибунал будет применять право, регулирующее его собственную процедуру. Трибунал должен будет также рассматривать некоторые вопросы частного права... Остается увидеть, будет ли Трибунал заниматься вопросами международного права, которые непрямо связаны с морским правом, например, суверенитет над островом, оспариваемый между сторонами в деле об общей морской границе» [2. Р. 509].

Помимо факультативной юрисдикции Конвенция предусматривает обязательную юрисдикцию. В соответствии с п. 5 ст. 290 МТМП или КСМД могут принять решение о временных мерах до образования арбитража, которому должен быть передан спор. В соответствии со ст. 292 МТМП рассматривает споры о незамедлительном освобождении судна и экипажа, если стороны не выбрали иное средство урегулирования.

Статут МТМП закреплен в Приложении VI. Местопребыванием Трибунала являет-

ся Гамбург. Трибунал состоит из двадцати одного члена, избираемого государствами-участниками на девять лет с возможностью переизбрания. Судьи должны являться признанными авторитетами в области морского права. Статут закрепляет положения, касающиеся деятельности, несовместимой со статусом члена Трибунала, и условий их участия в конкретном деле (ст. 7 и 8). Председатель и Секретарь Трибунала проживают в месте пребывания Трибунала, остальные судьи работают на непостоянной основе.

Д. Андерсон указывает: «В течение начального периода своего существования, Трибунал не имел накопившихся дел. Не считая Председателя, который проживал в месте нахождения Трибунала, судьи путешествовали в Гамбург для того, чтобы работать над делами или для участия в заседаниях, не связанных с делами. На практике это приводило к относительно коротким периодам интенсивной активности со стороны членов Трибунала собиравшихся вместе, особенно для работы над делами. Например, устные слушания проводились утром и после обеда шесть дней в неделю, а прения (*deliberations*) проводились на той же основе, иногда с дополнительной нагрузкой в виде вечерних встреч. Фактор непроживания в месте нахождения усилил значение расписания (*timetable*) для работы Трибунала» [2. P. 545].

Кворум составляет 11 членов. При МТМП создана КСМД, состоящая из одиннадцати судей МТМП. Кроме того, могут быть образованы специальные камеры, состоящие из трех или более членов, для разбирательства конкретных категорий споров: они компетентны только при наличии просьбы сторон. Так же как и Статут МС ООН, Статут МТМП предусматривает возможность избрания судей *ad hoc*. Процедура рассмотрения споров в МТМП близка к процедуре рассмотрения споров в МС ООН (возбуждение дела, временные меры, решение, расходы и пр.).

КСМД действует в рамках особого режима. Во-первых, она обладает обязательной юрисдикцией в отношении определенных категорий споров, касающихся деятельности в Районе. Во-вторых, она открыта для государств-участников, Органа и других субъектов (Предприятие, государственные предприятия и физические или юридические лица). В-третьих, помимо общих норм

морского права, Камера применяет нормы, правила и процедуры Органа; а также условия контрактов, касающихся деятельности в Районе. В-четвертых, исполнение решений Камеры обеспечивается в территориях государств-участников таким же образом, что и исполнение решений или распоряжений высшего суда государства-участника, в котором испрашивается исполнение. В-пятых, по запросу Ассамблеи или Совета Органа КСМД дает консультативные заключения по правовым вопросам, возникающим в сфере их деятельности.

Особенности МТМП (прежде всего по сравнению с МС ООН) объясняются целым рядом факторов, лейтмотивом которых является стремление участников Конвенции создать специализированный орган. Г. Эрикссон указывает: «В ходе переговоров по Конвенции многие связанные друг с другом аспекты повлияли на создание Трибунала в том виде, в каком мы его имеем сейчас. Они включают: страстную веру многих участников переговоров в идеал мирного разрешения споров; стремление главных промышленно развитых стран к безопасной системе разрешения конфликтов в свете новых концепций в международном праве и институтах; нежелание некоторых государств использовать Международный суд ООН в Гааге; стремление к специализированному органу, который занимался бы спорами, связанными с глубоководной добычей ресурсов морского дна»⁶. Дж. Мерриллс отмечает: «Идея о том, что споры определенного типа лучше разрешаются трибуналами, специально созданными для этой цели, не представляет собой ничего нового – механизм Европейской конвенции по правам человека является удачным примером, и положения Конвенции о специальном арбитраже четко отражают тот же импульс. Однако, поскольку морское право едва ли может считаться настолько специализированным, чтобы быть вне компетенции существующих трибуналов, создание МТМП может быть рассмотрено как показатель определенного недостатка доверия по отношению к Международному Суду ООН» [3. P. 198].

⁶ *Eiriksson G.* The Role of the International Tribunal for the Law of the Sea in the Peaceful Settlement of Disputes. Lecture given at the Research Centre for International Law, Univ. of Cambridge, on 7 February 1997. Цит. по: [2. P. 314].

На настоящий момент (конец 2011 г.) в МТМП было передано 19 дел, 16 из них завершено. Большинство дел касаются незамедлительного освобождения судна и экипажа на основании ст. 292 Конвенции 1982 г.

Статья 292 Конвенции 1982 г. гласит: «1. В случае, когда власти государства-участника задерживают судно, плавающее под флагом другого государства-участника, и утверждается, что задерживающее государство не соблюдает положения настоящей Конвенции о незамедлительном освобождении судна или его экипажа после предоставления разумного залога или иного финансового обеспечения, вопрос об освобождении может быть передан любому суду или арбитражу по соглашению сторон или, если в течение десяти дней со времени задержания такое соглашение не будет достигнуто, суду или арбитражу, признанному задерживающим государством согласно статье 287, или Международному трибуналу по морскому праву, если стороны не договорятся об ином. 2. Заявление об освобождении может быть сделано только государством флага судна или от его имени. 3. Суд или арбитраж незамедлительно рассматривает заявление об освобождении и занимается только вопросом об освобождении без ущерба для рассмотрения любого дела по существу в отношении такого судна, его владельца или экипажа в надлежащем национальном органе. Власти задерживающего государства сохраняют право освободить судно или его экипаж в любое время. 4. После предоставления залога или иного финансового обеспечения, определенного судом или арбитражем, власти задерживающего государства незамедлительно выполняют решение суда или арбитража об освобождении судна или его экипажа».

Первое рассмотренное дело – дело «Сайги». В 1997 г. Сент-Винсент и Гренадины обратились в МТМП с заявлением о незамедлительном освобождении. Танкер «Сайга» («Saiga») под флагом этого государства был досмотрен и задержан гвинейскими таможенными властями за то, что, находясь в исключительной экономической зоне Гвинеи, он заправил топливом три рыболовных судна. Гвинея квалифицировала деятельность «Сайги» как контрабанду. Трибунал указал, что если рассматривать запрет на снабжение топливом как относящийся к таможен-

ному законодательству, то, скорее всего, это будет означать, что Гвинея с самого начала действовала в нарушение международного права. В этой связи Трибунал предпочел рассматривать действия Гвинеи в рамках ст. 73 Конвенции. В Решении от 4 декабря 1997 г. он признал заявление Сент-Винсента и Гренадин приемлемым; постановил, что Гвинея должна незамедлительно освободить «Сайгу» и ее экипаж после предоставления залога; и определил его сумму.

Сент-Винсент и Гренадины потребовали компенсацию от Гвинеи. В Решении от 1 июля 1999 г. МТМП присудил компенсацию, составившую 2 млн 123 тыс. 357 долл. США с учетом процентов. Основные категории компенсированного ущерба включали: ущерб, нанесенный судну, включая стоимость ремонта; потери, понесенные в связи с фрахтованием судна; расходы, связанные с задержанием судна; стоимость конфискованного груза; ущерб, понесенный в связи с задержанием капитана, членов команды и других лиц, находившихся на борту судна. Сент-Винсент и Гренадины потребовали компенсацию за нарушение их прав в отношении судов, плавающих под их флагом, которое выразилось в аресте и задержании «Сайги», однако Трибунал счел, что его заявление о том, что Гвинея действовала противоправно, арестовав судно в данных обстоятельствах и использовав чрезмерную силу, представляет собой адекватную репарацию. Претензии, касающиеся утраты регистрационных поступлений вследствие незаконного ареста судна и расходов, понесенных в связи с компенсацией рабочего времени, потраченного должностными лицами, которые занимались вопросами ареста и задержания судна и его команды, также были оставлены без удовлетворения. Что касается первых претензий, то, по мнению Трибунала, Сент-Винсент и Гренадины не представили достаточных свидетельств в их обоснование. Что касается последних, то Трибунал счел, что подобные расходы не подлежат компенсации, поскольку они были понесены в осуществление обычных функций государства флага⁷.

В Решении по делу «Камуко» («Camouco») от 7 февраля 2000 г. МТМП указал: «Трибунал полагает, что при оценке разумного характера залога или другой фи-

⁷ Частично цит. по резюме, составленному КМП.

нансовой гарантии необходимо учитывать ряд факторов. К их числу относятся: серьезность вменяемых нарушений; санкции, наложенные или могущие быть наложенными в силу законов задерживающего государства; стоимость задержанного судна и стоимость арестованного груза; размер залога, установленного задерживающим государством, и его форма» (§ 67).

В Решении по делу «Монте Конфурко» («Monte Confurco») от 18 декабря 2000 г. МТМП добавил: «Этот перечень ни в коем случае не должен рассматриваться как исчерпывающий. Трибунал также не намерен устанавливать строгие правила, касающиеся относительного значения, которое должно быть придано тому или другому из этих факторов» (§ 76). «Целью статьи 292 Конвенции является примирение интереса государства флага в незамедлительном освобождении его судна и экипажа с интересом задерживающего государства в обеспечении явки в суд капитана и уплате наложенных санкцией. Равновесие между этими интересами, закрепленное статьями 73 и 292 Конвенции, представляет для Трибунала критерий оценки разумности залога» (§ 71 и 72).

Другие решения включают несколько дел, связанных с временными мерами: спор между Чили и ЕС относительно сохранения и добычи меч-рыбы в Юго-Восточной части Тихого океана; спор, касающийся делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой; спор между Панамой и Гвинеей-Биссау относительно компенсации за ущерб, причиненный в результате задержания панамского танкера «Virginia G».

В трех делах о незамедлительном освобождении участвовала Россия: один раз в качестве истца, два – в качестве ответчика.

Двадцать третьего декабря 2002 г. МТМП вынес решение по делу «Волга» (Россия против Австралии). «Волга» – рыболовное судно под флагом РФ, принадлежащее российской компании, имеющее лицензию на рыбную ловлю. Седьмого февраля 2002 г. на «Волгу» высадились австралийские военные из военного вертолета, взлетевшего с фрегата «HMAS Canberra». Во время высадки «Волга» находилась за пределами исключительной экономической зоны Австралии. Судно было задержано и отведено в австралийский порт, там капитан и экипаж были помещены

под стражу, а судно арестовано. Судно и снаряжение для целей получения залога было оценено в 1 млн 147 тыс. 460 долл. США. Трех членам экипажа (испанским гражданам) были предъявлены обвинения в рыбной ловле без лицензии. Затем они были освобождены под залог 75 тыс. австралийских долл. с каждого (остальным членам экипажа обвинения не предъявлялись, капитан «Волги» умер в австралийской больнице). По апелляции прокурора австралийский суд увеличил размер залога до 275 тыс. австралийских долл., затем по апелляции трех членов экипажа – снизил его до 95 тыс. с одного и 75 тыс. – с остальных. Суд также определил условия освобождения: каждый из трех должен был передать в австралийское посольство в Мадриде свой паспорт и морские документы и являться туда каждый месяц, чтобы подписать соответствующее обязательство освобождения под залог (после чего им должны были вернуть паспорта и морские документы). Россия посчитала, что условия освобождения не предусмотрены ст. 73 Конвенции и не являются ни допустимыми, ни разумными с точки зрения Конвенции. Приз, находившийся на борту «Волги», был продан австралийскими властями за 1 млн 932 тыс. 579,28 австралийских долл. (патагонский клыкчак и наживка), полученная сумма до окончания процедуры перешла на хранение к солиситеру. Собственник «Волги» обратился в австралийский суд с целью воспрепятствовать конфискации судна; австралийские власти потребовали залог в размере 3 млн 332 тыс. 500 австралийских долл. (сумма включает стоимость судна со всем оборудованием, штрафы, стоимость установки на борт судна системы слежения), а также предоставления полной информации об эффективных собственниках судна и руководителях компании. Собственник счел размер залога неразумным; Россия заявила о нарушении п. 2 ст. 73 Конвенции. Австралия ссылаясь на серьезность проблемы незаконной рыбной ловли в Антарктическом океане. Трибунал согласился, однако указал, что его задачей является определение разумности залога. Первая часть залога, по его мнению, является разумной. Трибунал счел, что рассмотрение вопроса о залоге за освобождение трех членов экипажа и условиях их освобождения не является необходимым, поскольку вопрос решен в апелляции, а данные лица

уже покинули Австралию. Он определил, что нефинансовые условия (установление системы слежения и предоставление информации о собственниках) не могут быть элементом финансовой гарантии незамедлительного освобождения. Трибунал пришел к выводу, что размер залога, назначенный Австралией, не является разумным, и самостоятельно определил его в размере 1 млн 920 тыс. австралийских долл.

Шестого августа 2007 г. МТМП вынес решение по делу «Хошинмару». Первого июня 2007 г. японское рыболовное судно «Хошинмару» («Hoshinmaru») было досмотрено и задержано российскими властями за нарушение законодательства о рыбной ловле в исключительной экономической зоне. У судна имелось разрешение на рыбную ловлю, однако при его досмотре под слоем кеты была обнаружена более редкая и дорогая нерка. Шестого июля 2007 г. на основании ст. 292 Конвенции 1982 г. Япония обратилась в МТМП с заявлением об освобождении. Тринадцатого июля 2007 г. Россия назначила залог в размере 25 млн руб. (впоследствии он был уменьшен до 22 млн руб.). Сумма залога была определена на основе следующих элементов: 1) максимальный штраф, возможный в отношении капитана на основании ст. 256 УК РФ – 500 тыс. руб.; 2) максимальный штраф, возможный в отношении собственника на основании ч. 2 ст. 8.17 КоАП РФ и рассчитанный на основе стоимости рыбы – 2 млн 1 тыс. 364,05 руб.; 3) издержки по делу об административном правонарушении, рассчитанные на основании ст. 24.7 КоАП РФ – 240 тыс. руб.; 4) убытки, возникшие в результате незаконной добычи биологических морских ресурсов и рассчитанные на основании ст. 1064 и 1068 ГК РФ, ст. 4, 40, 55, 56 и 58 ФЗ «О животном мире» 1995 г. и Постановления Правительства РФ № 724 «Об изменении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам» от 26 сентября 2000 г. – 7 млн 927 тыс. 500 руб.; 5) стоимость судна – 11 млн 350 тыс. руб. РФ утверждала, что заявление Японии лишилось объекта 13 июля 2007 г., когда был назначен залог. В ответ Япония указала, что назначенный залог не соответствует требованиям ст. 292, поскольку его размер является неразумным. Трибунал счел, что назначение залога не лишило объекта заявление

Японии и не изменило природу спора, хотя он и стал касаться разумности залога. Россия утверждала, что критерии определения размера залога в подобных делах были уточнены в ходе заседаний Российско-японской комиссии по рыбной ловле, и что Япония с ними согласилась. Япония отрицала факт своего согласия с возможностью включения в размер залога стоимости судна. Трибунал указал, что протокол или отчет смешанной комиссии могут быть источником прав и обязанностей сторон, однако счел, что в данном случае они не свидетельствуют о согласии Японии с критериями определения размера залога, разработанными российской стороной. В итоге Трибунал счел, что залог в 22 млн руб. не является разумным. В частности, он не одобрил расчет его размера на основе максимальных санкций, применимых к собственнику и капитану, а также стоимости судна. В этой связи Трибунал установил, что Россия нарушила п. 2 ст. 73 Конвенции 1982 г., и постановил, что она должна незамедлительно освободить «Хошинмару» вместе с уловом, находящимся на борту, после предоставления залога, сумму которого он определил в 10 млн руб., а также позволить капитану и экипажу уехать. При определении размера залога Трибунал отметил, что правонарушение, совершенное капитаном «Хошинмару», не должно оцениваться как незначительное или техническое. Шестнадцатого августа 2007 г. залог был получен Россией, и в тот же день судно и его экипаж были освобождены.

Вопросы соотношения компетенции МТМП и компетенции национальных судов были затронуты в Решении МТМП по делу «Томимару» («Tomimaru») от 6 августа 2007 г. Двадцать восьмого декабря 2006 г. суд г. Петропавловска-Камчатского вынес решение о конфискации японского рыболовного судна, задержанного за нарушение российского законодательства о рыбной ловле в исключительной экономической зоне. Камчатский областной суд и Верховный суд РФ оставили данное решение в силе. Япония сочла, что РФ не выполнила предписания п. 2 ст. 73 Конвенции 1982 г. («Арестованное судно и его экипаж освобождаются незамедлительно после предоставления разумного залога или другого обеспечения») и обратилась в МТМП. Ссылаясь на п. 3 ст. 292 Конвенции 1982 г., РФ заявила, что дело уже

рассмотрено по существу в надлежащем национальном органе, решение вступило в силу и исполнено, следовательно, заявление Японии является беспредметным, а МТМП не обладает компетенцией по его рассмотрению. МТМП указал, что конфискация не должна нарушать баланс интересов государства флага и прибрежного государства, установленных в Конвенции. Решение о конфискации не должно приниматься, если это влечет лишение собственника судна доступа к внутригосударственным средствам защиты или препятствует использованию государством флага процедуры незамедлительного освобождения. Кроме того, такое решение не должно приниматься при помощи процедур, противоречащих нормам международного права. В частности, конфискационные меры, принятые с неоправданной спешкой, могут быть расценены как несовместимые со ст. 292. МТМП подчеркнул, что государство флага само определяет, в какой момент ему реагировать, и отметил необходимость оперативных действий собственника судна и государства флага, направленных на исчерпание внутренних средств защиты либо на использование процедуры незамедлительного освобождения. МТМП счел, что он вправе исследовать заявление о незамедлительном освобождении во время рассмотрения дела судами государства, осуществившего задержание. Однако в данном случае Верховный суд РФ завершил рассмотрение данного дела. По мнению МТМП, в этих обстоятельствах решение о незамедлительном освобождении противоречило бы решению об окончании внутригосударственного рассмотрения дела и представляло бы собой вмешательство во внутреннюю компетенцию, противоречащее п. 3 ст. 292 Конвенции. На этом основании МТМП признал заявление Японии беспредметным. Грамотная юридическая позиция, занятая российской стороной, позволила добиться вынесения решения в пользу РФ.

Первого февраля 2011 г. КСМД вынесла первое консультативное заключение – об ответственности и обязательствах государств, которые поручились за физических или юридических лиц в рамках деятельности, ведущейся в Районе. Запрос был подан Советом Органа (ст. 161 Конвенции 1982 г.). Ему предшествовали следующие обстоятельства. В 2008 г. Орган получил две заявки на одо-

брение плана работ в Районе – от компаний из Науру и Тонга. В 2010 г. Науру сделало предложение запросить консультативное заключение, мотивируя это тем, что, будучи развивающимся государством, оно вынуждено привлекать внешних контрактантов (контракторов) и желало бы знать юридические риски, связанные с подобным проектом. Основные выводы, к которым пришла Камера, таковы:

1. Государство, которое поручилось, несет следующие обязательства:

А. **Обязательство обеспечивать соблюдение** контрактантами условий договора и обязательств, вытекающих из Конвенции и других инструментов. Речь идет об обязательстве «due diligence». Это обязательство предполагает принятие государством мер в рамках своего правопорядка.

В. **Прямые обязательства:** оказывать Органу содействие; принимать меры предосторожности (принцип 15 Декларации Рио); использовать передовую природоохранную практику; принимать меры, направленные на представление контрактантом гарантий выполнения чрезвычайных распоряжений Совета о защите морской среды; предоставлять возможность для получения компенсации.

Государство обязано обеспечивать обязательство контрактанта оценивать воздействие на окружающую среду. Данное обязательство также является общим для всех государств (ст. 206 Конвенции).

2. **Ответственность государства** возникает в случае невыполнения обязательств, вытекающих из Конвенции и других инструментов. Нарушение обязательств контрактантами, за которых государство поручилось, не влечет автоматически ответственность государства. Ответственность государства возникает при наличии следующих условий: а) нарушение государством своих обязательств, вытекающих из Конвенции; б) наличие ущерба. При этом необходима причинная связь между нарушением и ущербом. Эта ответственность возникает в результате ущерба, вызванного несоблюдением контрактантом своих обязательств. Государство освобождается от ответственности, если оно приняло «все необходимые и надлежащие меры для обеспечения эффективного соблюдения» контрактантом своих обязательств. Такое освобождение не распространяется на невы-

полнение государством своих прямых обязательств. Ответственность государства и ответственность контрактанта существуют параллельно и не являются совместными или солидарными. Государство не несет остаточной ответственности. Ответственность государства должна соответствовать размеру ущерба. Если государство выполнило свои обязательства, ущерб, причиненный контрактантом, не влечет его ответственность. Если государство нарушило свои обязательства, однако ущерб не был причинен, последствия данного акта определяются международным обычным правом. Возможно создание целевого фонда для возмещения ущерба, непокрытого в соответствии с Конвенцией.

3. Конвенция требует, чтобы государство принимало в рамках внутреннего правопорядка законы, регламенты и административные меры, имеющие две функции: обеспечить выполнение контрактантом своих обязательств и исключить ответственность государства. Эти законы, регламенты и меры могут предусматривать создание механизмов контроля за деятельностью контрактанта и координации деятельности государства и Органа.

Существование этих законов, регламентов и мер не является условием заключения контракта с Органом, однако оно необходимо для выполнения государством своего обязательства *due diligence* и для возможного исключения его ответственности. Поскольку меры, принимаемые государством, должны включать законы, регламенты и административные меры, нельзя считать, что государство выполнило свои обязательства, если оно лишь вступило в договорные отношения с контрактантом. Государство не обладает абсолютной дискреционной властью в части принятия законов, регламентов и мер. Оно должно действовать добросовестно, принимая во внимание различные мнения, которые доводятся до его сведения, разумным, релевантным и благоприятствующим интересам человечества образом. В части защиты морской среды законы регламенты и меры государства не могут быть менее строгими, чем те, которые принимаются Органом, или менее эффективными, чем международные нормы, регламенты и процедуры. Положения, которые государство может счесть необходимым включить в национальное законодательство, могут касаться *inter alia*, финансовой со-

стоятельности и технических возможностей контрактантов, условий выдачи сертификата о поручительстве и санкций в случае нарушения. Точные указания относительно содержания внутренних мер даны в различных положениях Конвенции и других инструментах. Это применяется, в частности, к ст. 39 Статута, требующей, чтобы исполнение решений Камеры обеспечивалось в территориях государств-участников таким же образом, что и исполнение решений или распоряжений высшего суда государства-участника, в котором испрашивается исполнение.

В завершение данного краткого обзора можно сформулировать несколько тезисов.

1. В отличие от других международных форумов МТМП не стал объектом многочисленных доктринальных исследований⁸. В настоящее время он находится на периферии международно-правовых исследований, что связано как со специальным характером его деятельности, так и с относительной бедностью судебной практики.

2. Процессуальные новеллы, закрепленные в Статуте МТМП, пока еще не апробированы в той степени, которая позволила бы судить об их целесообразности. Уже сейчас, однако, виден спорный характер некоторых из них. Так, непостоянный характер пребывания судей в месте нахождения Трибунала препятствует детальному знакомству с делом и влечет нецелесообразную интенсификацию слушаний [2].

⁸ Среди имеющихся работ можно отметить: Chandrasekhara Rao P., Rahmatullah Khan. The International Tribunal for the Law of the Sea: law and practice. Martinus Nijhoff Publishers, 2001; Vukas B. The Law of the Sea. Selected Writings. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2004; Serdy A., Bliss M. Prompt release of fishing vessels: state practice in the light of the cases before the International tribunal for the law of the sea // Oceans Management in the 21st Century: Institutional Frameworks and Responses / Eds. Alex G. Oude Elferink and Donald R. Rothwell. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2004; Natalie S. Klein. Dispute settlement in the UN Convention on the Law of the Sea. Cambridge Univ. Press, 2005; Chandrasekhara Rao P., Gautier Ph. The rules of the International Tribunal for the Law of the Sea: a commentary. Martinus Nijhoff Publishers, 2006; Nelson L. D. M. The Jurisprudence of the International Tribunal for the Law of the Sea: Some Observations // Law of the sea, environmental law and settlement of disputes: liber amicorum judge Thomas A. Mensah / Eds. Tafsir Malick Ndiaye, Rüdiger Wolfrum. Martinus Nijhoff Publishers, 2007; Anderson D. Modern Law of the Sea: Selected Essays. Martinus Nijhoff Publishers, 2008.

3. Практика Трибунала пока еще не богата ни с точки зрения количества передаваемых споров, ни с точки зрения их содержания. Возможно, Трибунал так никогда и не выйдет на уровень активности, предполагаемый авторами Конвенции, и останется органом, рассматривающим преимущественно дела о незамедлительном освобождении. Несмотря на то, что в последние несколько лет в Трибунал поступили дела иного характера, такой сценарий развития наиболее вероятный. Так, едва ли государства откажутся от компетенции МС ООН в пользу компетенции МТМП в части рассмотрения споров, связанных с морской делимитацией.

4. Вышеуказанная перспектива, с одной стороны, обесценивает споры о возможной конкуренции двух форумов, а с другой – так или иначе ставит на повестку дня вопрос о целесообразности дальнейшего существования МТМП. Очевидно, что дела, рассмотренные Трибуналом по настоящее время, вполне могли бы быть рассмотрены МС ООН без чрезмерного увеличения его загруженности (особенно, если бы они рассматривались камерами). С другой стороны, нельзя сказать, что МТМП совсем не оправдал себя. Кроме того, его существование в целом соответствует общему тренду пролиферации меж-

дународных форумов, который, по словам Б. Вукаса, является «неизбежным развитием, сопровождающим прогресс материального международного права» [1. Р. 314–315].

5. Основной вклад МТМП в развитие международного права в настоящее время состоит в уточнении подходов к определению размера денежных залогов и компенсаций. Консультативное заключение от 1 февраля 2011 г., касающееся в общем-то важного вопроса, с точки зрения содержания представляет собой апологетику работ КМП в области права международной ответственности и тем самым свидетельствует об отсутствии существенной оригинальности международного морского права в этой части.

Список литературы

1. *Vukas B.* The Law of the Sea. Selected Writings. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. 359 p.
2. *Anderson D.* Modern Law of the Sea: Selected Essays. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2008. 623 p.
3. *Merrills J. G.* International Dispute Settlement. Fourth Ed. Cambridge Univ. Press, 2005. 354 p.

Материал поступил в редколлегию 24.10.2011

V. L. Tolstykh

INTERNATIONAL TRIBUNAL OF THE SEA: FEATURES, EVOLUTION AND JUDICIAL PRACTICE

In the article the features of the dispute resolution mechanism enshrined in the Convention on the Law of the Sea in 1982 are considered, an analysis of the organization and dispute resolution procedures of the International Tribunal for the Law of the Sea is done. The author reveals the evolution of the jurisprudence of the body, gives a description of the most important cases. At the end of the article he formulates predictions about the future of the Tribunal.

Keywords: international courts, international court decisions, international process, justice, proliferation of international courts, law of the sea.